

Давыдов Денис Владимирович

"ЩИ ДА КАША...": О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОВСЕДНЕВНОГО ПИТАНИЯ КРЕСТЬЯН В ТАССР В 1920-Е ГОДЫ

В статье отмечаются некоторые особенности повседневного питания крестьян Татарской республики в 1920-е годы. Сделан вывод о том, что на характер питания оказывали влияние такие факторы как размер семьи и наличие дополнительных заработков в хозяйстве. Улучшение качества питания во второй половине 1920-х годов произошло настолько, насколько это позволила сложившаяся социально-экономическая обстановка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. IV. С. 55-58. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

трагичность, сопровождается, как правило, философскими размышлениями, обращениями к друзьям-товарищам с просьбой выполнить его завещание, раскрывает психологическое состояние умирающего воина и соотносится с представлением о том, что смерть на поле боя почетна. Поэтому у казаков в ходу такая поговорка: «Казачьему роду нет переводу», ставшая для казачества символом выживаемости и жизнестойкости на многие века.

Таким образом, традиционный песенный фольклор гребенского казачества, созданный на основе глубокой переработки религиозно-мифологических представлений и исторических событий, а также в результате специфической духовно-практической деятельности своего этноса, содержит в себе совокупность духовно-нравственных мировоззренческих ценностей, заложенных в систему ментальных ценностей.

Анализ песенного фольклора гребенцов позволяет выделить этнические свойства, образующие систему ментальных ценностей, среди которых воля (казачья воля в понимании свободы социально-общественной и свободы личностной); патриотизм во всех проявлениях (самопожертвование во имя любви к Родине, к своему роду); казачье братство, солидарность; слава («Во славу Отечества», «Во славу роду казачьему»); честь (готовность каждого отдать жизнь «за Царя, за Веру, за Отечество», но не опозорить честь казака - наивысший нравственный долг казака, передававшийся как завет по наследству).

Список литературы

1. Агаджанов Ю. Г. Песни Терека. Грозный, 1974. 98 с.
2. Белецкая Е. М. Казачество в народном творчестве и в русской литературе XIX века. Тверь: Золотая буква, 2004. 252 с.
3. Будде Г.-Ф. Пол истории // Пол, гендер, культура. М., 1999. С. 150-165.
4. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1994. 668 с.
5. Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2004. 624 с.
6. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. 296 с.
7. Рудиченко Т. С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовской гос. консерватории им. С. В. Рахманинова, 2004. 512 с.
8. Рукопись и аудиоматериалы фольклорной экспедиции автора (ст. Калиновская, Наурская). 1989.

GREBENSKIE COSSACKS' MENTAL VALUES SYSTEM IN SONG FOLKLORE

Anatolii Fedorovich Grigor'ev, Ph. D. in Pedagogy
Department of Theory and Technique of Musical Education
Stavropol' State Pedagogical Institute
greef_folk@list.ru

The author discusses the most urgent problem of the present, namely, the preservation and retransmission of mental values system by means of song folklore. By the example of the analysis of Grebenskie Cossacks' song folklore the author formulates the scientific-theoretical thesis that it is traditional song folklore created on the basis of the deep revision of religious-mythological ideas and historical events and also as the result of the specific spiritual-practical activity of its ethnic group that comprises the totality of the spiritual-moral world-view values put in mental values system.

Key words and phrases: Grebenskie Cossacks' song folklore; mental values system; ethnic group; cultural ideas complex; song folklore historiography; ethnic group traditional consciousness reflection.

УДК 947(470.41)

В статье отмечаются некоторые особенности повседневного питания крестьян Татарской республики в 1920-е годы. Сделан вывод о том, что на характер питания оказывали влияние такие факторы как размер семьи и наличие дополнительных заработков в хозяйстве. Улучшение качества питания во второй половине 1920-х годов произошло настолько, насколько это позволила сложившаяся социально-экономическая обстановка.

Ключевые слова и фразы: ТАССР; крестьянство; питание; суррогаты.

Денис Владимирович Давыдов, к.и.н., доцент
Кафедра истории и связей с общественностью
Казанский государственный технический университет им. А. Н. Туполева
dadv@mail.ru

«ЩИ ДА КАША...»: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОВСЕДНЕВНОГО ПИТАНИЯ КРЕСТЬЯН В ТАССР В 1920-Е ГОДЫ[©]

Изучение проблематики повседневной культуры и быта по праву может считаться одним из приоритетных направлений в современном отечественном крестьяноведении. Одной из важных составляющих проявления

повседневной культуры является проблема питания. Обращение к ней позволяет с новых позиций проследить изменение социально-культурной специфики повседневной жизни крестьянина, оценить влияние этой специфики на его мировоззрение и поведенческие установки.

К сожалению, изучение проблем питания сельского населения ни до, ни после революции не носило строго выраженного систематического характера. Между тем, именно в послереволюционный период наблюдается усиление интереса к данному вопросу, что не могло не отражать общее стремление советского руководства контролировать происходящие изменения в социально-экономической сфере. Для проведения обследований состояния и динамики процессов питания в Москве был образован специальный подраздел, подчиненный отделу баланса сельского хозяйства Центрального статистического управления. В Казани аналогичная работа проводилась сотрудниками отдела сельскохозяйственной статистики Татарского статистического управления.

Одно из первых обследований питания сельского населения ТАССР было проведено в июне 1922 года. Результаты обследования лишний раз подтвердили факты повсеместного употребления в пищу всевозможных суррогатов: лебеды, желудей, различных трав, листьев и т.д. Изменение характера питания крестьянства прослеживалось с постепенным отступлением голода. Прекратились поставки «американских» продуктов, успевших получить распространение в период борьбы с голодом. Кроме того, из привычного рациона исчезли продукты животного происхождения, популярные во время массового забоя скота и потому являвшиеся нетипичными образцами повседневного меню для большинства семей. В результате значительная часть населения продолжала употребление в пищу суррогатов. Так, например, в 1923 году лишь немногим более 40% процентов хозяйств смогли отказаться от употребления «пищевых» добавок. Судя по секретным сводкам Татполитотдела ГПУ, в некоторых кантонах республики весной-летом 1923 года удельный вес хозяйств, использовавших в пищу суррогаты, оказывался более высоким (Чистопольский кантон - 50%, Свияжский кантон - 53%, Буинский кантон - 60%) [13, д. 919, л. 7, 12, 36].

Интересно отметить, что применение суррогатов растительного происхождения, содержащих в определенной степени витамин С, по мнению профессора Р. А. Лурия, спасло местных крестьян от цинги и других заболеваний, возникавших из-за отсутствия в организме данного витамина [5, с. 88]. Действительно, среди суррогатов преобладала лебеда (45%), остальные «продукты» по степени популярности значительно ей уступали: мякина (4%), травы (3,5%), желуды (3,5%) и пр. [Там же, с. 86, 87]. Популярность лебеды подтверждалась и материалами специальных карточек, которые заполнялись на местах. Подобная карточка заполнялась, к примеру, в ряде волостей Спасского кантона, где в апреле 1923 года работники местных волракопов провели обследование употребляемых в пищу добавок. Выяснилось, что наиболее употребляемыми «продуктами» продолжали оставаться мука из лебеды и соломы, лебеда с щавелем, просынная мякина и т.п. [9, д. 17, л. 37, 40, 47].

Интересно обратиться к вопросу калорийности питания крестьянского населения. В 1923 году средняя калорийность потребляемой пищи в расчете на одного человека оставалась довольно низкой - 3080 калорий, при этом различие между количеством потребляемых калорий в различных посевных группах была довольно ощутимым. Меньше всего доставалось представителю беспосевного хозяйства - 2209 калорий в сутки, затем шел малопосевный крестьянин - 2896 калорий, далее - середняк (3162 калорий) и, наконец, представитель крупного хозяйства - 3704 калории [7, д. 257, л. 3]. К концу 1920-х годов данный дисбаланс выравнивался: среднее дневное количество калорий увеличилось до 4028, при этом показатель посевности уже не играл своей роли: в маломощных хозяйствах выходило по 3992 калорий на человека, в средних - 4059, в крупных - 4000 [Там же, д. 480, л. 9].

В среднем, в середине 1920-х годов крестьянин, занятый тяжелым физическим трудом, вместо необходимых 4500-5000 калорий в день довольствовался лишь 3395 [4, с. 4]. При этом наибольшую часть калорий он получал осенью (4202), затем летом (3254), на зимний период приходилось лишь 3136 калорий в сутки [10, с. 4]. Учитывая, что большую часть дневной нормы калорий давало потребление хлеба (1746 из 4028 калорий, т.е. 43,35%) [7, д. 480, л. 11], именно урезание хлебного пайка негативно отражалось на трудовой активности сельского жителя. По средним подсчетам, в 1920-е годы дневная норма потребления хлеба в сельской местности ТАССР составляла 1,9 фунта (около 900 грамм) на человека, и именно в разгар полевых работ крестьянин потреблял лишь половину данной нормы [10, с. 11]. Вопрос о неравномерном характере питания поднимался еще в 1920-е годы в связи с общими проблемами потребления пищи в деревне. Подчеркивалось, что даже «более зажиточные крестьяне не всегда имеют возможность правильно питаться круглый год», в итоге недостаточное и неравномерное питание негативно отражалось на производительности труда [1, с. 2, 3; 6, с. 9, 10].

В условиях сохранявшегося малоземелья, недостатка тягловой силы и инвентаря в крестьянских хозяйствах, занятие сельскохозяйственным трудом не могло обеспечить крестьян необходимыми продовольственными запасами, поэтому приходилось прибегать к побочным заработкам. Относительный достаток ощущали проживавшие в деревнях служащие: секретари сельсоветов, писари и все те, кто получал регулярное жалование. Вне зависимости от сезона они могли позволить себе покупать достаточно широкий набор как растительных, так и мясомолочных продуктов. К примеру, житель села Городищи одноименной волости Буинского кантона, работая секретарем местного сельсовета, мог себе позволить чай с пирогами на завтрак, мясной суп на обед, чай с хлебом и молоком на ужин [7, д. 535, л. 15.]. Его коллега из села Гари Елабужской

волости одноименного кантона на завтрак пил сладкий чай, на обед баловал себя мясными пельменями с жареной картошкой, на ужин ел мясной суп, а также чай («и *опять-таки с сахаром!*» - с гордостью добавил от себя заполнитель анкеты) [Там же, л. 16].

Еще одним способом разнообразить свой рацион являлось благоприятное соотношение количества едоков и работников в семье в пользу последних. Не секрет, что крестьянская семья не являлась закостеневшей структурой, а представляла собой, по выражению А. В. Чаянова, «в разные фазы своего развития совершенно различный трудовой аппарат» [14, с. 26], так что данное соотношение играло свою существенную роль. Например, в деревне Зуево Салаушской волости Елабужского кантона проживала крупная семья, состоящая из 9 человек, почти полностью состоящая из трудоспособных работников (хозяин с хозяйкой - по 60 лет, трое их сыновей - 34, 22 и 14 лет, две дочери - 20 и 14 лет, сноха - 40 лет и внук - 9 лет). На завтрак в такой семье пили чай с сахаром, обед состоял из двух блюд - мясных щей с кашей, хлебом и ватрушками, на ужин шли те же щи и чай с молоком [7, д. 536, л. 28].

В наиболее тяжелом положении оказывались те семьи, в которых количество работников было наименьшим, а также не было собственного инвентаря и тягловой силы. Семья из деревни Сосново-Юраш Черкасской волости Елабужского кантона, состоящая из 5 человек (из них 3 малолетних детей) на завтрак ела хлеб с водой, на обед - хлеб с картошкой, на ужин - картофельную похлебку [9, л. 5]. Хозяйство Шарифа Сафина из деревни Альметьево Черкасской волости Елабужского кантона было небольшим, в 1924 году был засеян небольшой участок в 0,2 десятины. Его семья, состоящая из жены и двух маленьких дочерей, на завтрак и ужин довольствовалась хлебом с чаем, на обед - хлебом с картошкой [7, д. 536, л. 4].

При изучении поставленной проблемы важно обратиться и к национальному фактору. Безусловно, национально-культурные традиции местного крестьянства имели существенное значение в процессе приготовления и потребления продуктов питания. Особенно отчетливо это проявлялось во время проведения различных праздников, особенно религиозных. Однако, обращаясь к повседневному питанию, можно предположить, что национальные различия крестьян не оказывали определяющего влияния на среднегодовую норму потребления основных продуктов питания. Судя по данным индивидуальных хлебофуражных балансов крестьянских хозяйств, в 1925-1926 гг. на одного крестьянина-едока приходилось в год 13,68 пудов зерновых продуктов (в русских хозяйствах), 14,47 пудов в татарских и 13,98 пудов в хозяйствах остальных национальностей республики [Там же, д. 655, л. 6-8].

Интересной особенностью культуры питания местного крестьянства было крайне незначительное потребление овощей: моркови, капусты, свеклы и пр. В 1923 году потребность в потреблении овощей (1,46% хозяйств) оказалась в три раза меньше потребности в сладостях (4,38% хозяйств) [Там же, д. 257, л. 8]. Современники объясняли этот факт крайней бедностью большинства хозяйств, которые не имели возможности приобретать рассаду, кроме того, это обуславливалось и отсутствием необходимых агрономических знаний и культуры потребления корнеплодов, что сдерживало массовый рост огородничества [2, с. 31]. Некоторые авторы, объясняя неразвитость огородных культур среди татарского крестьянства, подчеркивали влияние национального фактора [11, с. 13].

Исключение составлял картофель. Была отмечена взаимосвязь между материальным положением хозяйства и масштабами потребления этого продукта: чем беднее было хозяйство, тем больше шло в пищу картофеля. Поскольку обследования касались как городского, так и сельского населения, было подчеркнуто, что именно крестьянство являлось основным потребителем картофеля, в то время как городское население больше «нажимало» на другие овощи [10, с. 14].

Еще одной популярной культурой в республике была гречиха. По наблюдениям местных статистиков, за период 1913-1925 гг. площади ее посевов увеличились с 8 до 14,5%. На этот факт обратил внимание руководитель ТСУ В. М. Ермолаев, который подчеркнул, что интерес крестьян к гречневой каше значительно возрос с 1922 года [3, с. 8]. Размеры посевов гречихи могли быть еще больше, если бы не высокая изменчивость этой культуры, снижающая урожайность. В результате крестьяне отдавали предпочтение озимой ржи, как наиболее устойчивой культуре, дававшей средний урожай в 47 пудов с десятины (гречиха, для сравнения, - в два раза меньше) [12, с. 15].

Распространенным напитком был чай, его упоминание прослеживается в большинстве опросных листов. Чаепитие, приглушающее на время чувство голода, продолжало оставаться популярным, поскольку позволяло в какой-то степени компенсировать недостаточное питание. Другое дело, что само понятие «чай» в понимании крестьянина могло иметь несколько иной смысл, отличный от его истинного значения. Напиток, настоянный на различных травах, моркови, корнях, вполне мог называться «чаем» и в дальнейшие годы.

Проведенный обзор позволяет сделать некоторые выводы. Важной особенностью питания крестьян являлся отмеченный выше дисбаланс в количестве потребляемых калорий в зависимости от времени года. Летом, в период наибольшего напряжения физических сил, крестьянин питался достаточно скудно. Осенью и зимой, при общем ослаблении трудовой нагрузки, питание несколько улучшалось. Нехватка продуктов приводила к оптимизации самого питательного процесса: основное количество калорий потреблялось в дневное время, во время выполнения тяжелой физической работы.

Кроме того, материалы использованных источников (хлебофуражных балансов, листов питания и пр.) не подчеркивают определяющее влияние национально-культурных традиций в своем повседневном рационе, по крайней мере, в первой половине 1920-х годов. Условия голода и общего упадка хозяйства в какой-то степени нивелировали значение национально-культурного фактора в этой сфере. Наконец, размер хозяйства

не являлся определяющим фактором, влияющим на продовольственное благосостояние. С одной стороны, именно в крупных хозяйствах, где нередко прослеживалось благоприятное соотношение количества едоков и работников, продовольственных запасов чаще всего хватало на более длительный срок. Но в то же время нормы потребления различных продуктов в расчете на одного человека здесь могли уступать аналогичным нормам в средних, и даже в маломощных хозяйствах. Гораздо большее влияние играл фактор наличия дополнительных доходов, дающих возможность разнообразить продовольственный рацион.

В целом, культура повседневного питания крестьянства во многом сохранила определенный консерватизм, обусловленный не столько влиянием общинных традиций, которые более отчетливо проявлялись в процессах обрядового или праздничного питания, сколько общим экономическим состоянием хозяйств. Некоторое улучшение качества питания во второй половине 1920-х годов произошло настолько, насколько это позволила сложившаяся социально-экономическая обстановка.

Список литературы

1. В. С. Как сделать труд крестьян более здоровым // Здоровая деревня. 1926. № 8.
2. Григорьев А. Н. Огородничество и садоводство в организационном строе крестьянского хозяйства // Труд и хозяйство. 1925. № 9.
3. Ермолаев В. М. Краткая характеристика сельского хозяйства Татарстана в 1925 году // Там же. № 8. С. 8.
4. Клепиков С. А. Питание русского крестьянства. М., 1920. Ч. 1. Нормы потребления важнейших пищевых продуктов. 52 с.
5. Лурья Р. Голод и болезни // Бич народа: очерки страшной действительности. Казань, 1922.
6. Москалев. Правильно ли питаются у нас в деревне? // Здоровая деревня. 1926. № 5.
7. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. Р-1296. Оп. 2.
8. Там же. Оп. 12
9. Там же. Ф. Р-3083. Оп. 1.
10. Победоносцев И. Питание населения Татарской республики // Труд и хозяйство. 1927. № 7.
11. Сабиров Р. Голод и экономическое состояние Татреспублики // Бич народа: очерки страшной действительности. Казань, 1922.
12. Состояние сельского хозяйства ТР / составлено с/х секцией // Труд и хозяйство. 1926. № 6-8.
13. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 1.
14. Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства: из работ научно-исследовательского института с.-х. экономики в Москве. М., 1925. 215 с.

“WE'RE SIMPLE FOLK WHEN IT COMES TO FOOD...”: ABOUT SOME PECULIARITIES OF EVERYDAY PEASANTS' DIET IN TATAR AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC IN THE 1920S

Denis Vladimirovich Davydov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of History and Public Relations
Kazan' State Technical University named after A. N. Tupolev
davydv@mail.ru

The author notes some peculiarities of everyday peasants' diet in the Tatar Republic in the 1920s and makes the conclusion that such factors as family size and additional earnings influenced the diet character. Diet quality improvement depended on the existed social-economic situation in the second half of the 1920s.

Key words and phrases: Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic; peasantry; diet; surrogates.

УДК 930; 316.62

В статье характеризуются основные формы девиантного поведения сельской молодёжи в Тамбовской губернии первого «советского» десятилетия, названы причины и предпосылки подобных явлений и отношение к ним общества и власти.

Ключевые слова и фразы: молодёжь; девиантное поведение; хулиганство; воровство; пьянство; кулачные бои.

Антон Артурович Дик

Кафедра безопасности жизнедеятельности в ноосфере
Тамбовский государственный технический университет
dick_an@mail.ru

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЁЖИ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 1920-Х ГГ.: ПРИЧИНЫ И ОСОБЕННОСТИ[©]

Девиантное поведение приобрело в последнее время массовый характер, заставив общество задуматься над этим явлением. Насколько сложное по своей сущности явление требует всестороннего, междисциплинарного исследования, один из акцентов которого должен быть поставлен на периоде социализации личности, когда